

DOI: 10.33184/dokbsu-2025.2.7

Речевые акты неодобрения в романе

У. Фолкнера «Шум и ярость»

Г. В. Янгирова*, Л. К. Нафикова

Уфимский университет науки и технологий

Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

*Email: lingvo87@mail.ru

Статья исследует особенности передачи речевых актов неодобрения, в частности речевых актов «угроза» и «упрек», в романе У. Фолкнера «Шум и ярость» и его переводе на русский язык. Работа расширяет понимание речевых актов как средств социального регулирования и межличностного конфликта. Авторы приходят к выводу, что переводчику удастся адекватно передать структуру, эмоциональную нагрузку и коммуникативную цель рассматриваемых речевых актов. В целом анализ свидетельствует об успешной адаптации специфических способов выражения речевых актов угрозы и упрека с сохранением их воздействия на читателя.

Ключевые слова: речевой акт, неодобрение, контекстуальный анализ, угроза, упрек.

Актуальность теории речевых актов обусловлена способностью раскрывать взаимосвязь между языковыми формами, коммуникативными намерениями и социальным контекстом. В литературоведении данный подход позволяет выявлять скрытые смыслы и конфликты через речевое поведение персонажей. Постоянное развитие теории, включая ее интеграцию с когнитивными и социолингвистическими исследованиями, подтверждает ее значимость для понимания механизмов человеческого общения.

Цель нашего исследования – анализ речевых актов неодобрения в романе У. Фолкнера «Шум и ярость», в частности речевого акта «угроза» и «упрек», и особенностей передачи иллокутивной силы неодобрения с английского языка на русский язык.

Современная лингвистика рассматривает теорию речевых актов как важное направление, изучающее структуру речевой коммуникации. Основная идея данного подхода заключается в понимании языкового общения как последовательности целенаправленных действий – речевых актов. Впервые эти идеи были систематизированы британским философом Дж. Остином в 1955 г., когда он представил свою концепцию в ходе лекционного курса в Гарварде. Само понятие «речевой акт» Дж. Остин определяет как «такой процесс общения определенных индивидов, в котором помимо высказывания осмысленных выражений имеет место интерактивное воздействие коммуникантов друг на друга» [1].

ТРА предлагает особую модель описания коммуникативного процесса. В отличие от традиционных схем, она учитывает не только стандартные элементы (участников общения, высказывание и ситуативный контекст), но и такие значимые аспекты, как интенция говорящего и эффект речи на слушателя, что Дж. Остин называет иллокутивным и перлокутивным актами соответственно. Сам акт произнесения он тоже выделял в отдельный уровень – локутивный.

Также в своей работе Остин классифицировал речевые акты по семантике глаголов, выделяя пять категорий: вердиктивные высказывания (судебные решения), экзерсивные (реализация власти), комиссивные (обязательства), бехабитивные (социальные взаимодействия) и экспозитивные (акты объяснения). Однако недостаточная четкость разграничения этих категорий побудила исследователей к дальнейшим изысканиям в данной области.

В дальнейшем американский ученый Дж. Серл, развивая идеи своего наставника, предложил более детализированную систему классификации, основанную на двенадцати дифференцирующих признаках, включая условия искренности, пропозициональное содержание, социальный статус коммуникантов и соотношение высказывания с дискурсом. Центральным критерием в его системе стала иллокутивная цель, что позволило выделить пять основных типов речевых актов: ассертивы, директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы [2]. Однако и эта классификация не избежала критики, в частности, из-за трудностей в категоризации таких речевых действий как разрешение, жалоба или предупреждение, что стимулировало дальнейшие исследования в этой области.

В последующей работе Серл также выделил прямые и косвенные речевые акты, которые характеризуется расхождением между формально выраженным и фактически подразумеваемым коммуникативным намерением. Например, фраза «Could you pass me the ketchup?» в контексте совместного обеда воспринимается не как вопрос о возможности действия, а как вежливая просьба.

В настоящем исследовании мы подробно рассмотрим речевые акты неодобрения. По М. В. Мироновой, неодобрение «выражается в отрицательной оценке субъекта оценки (лица, дающего оценку) к объекту (лицу или явлению, на которое направлено оценочное суждение)» [3].

Структурно неодобрение можно описать через взаимодействие двух сторон: сперва происходит деяние объекта, чье поведение (активность или пассивность) вызывает негативную реакцию, затем субъект демонстрирует несогласие с действиями или их последствиями. На завершающем этапе коммуникации неодобрение стимулирует ад-

ресата либо к изменению стратегии действий, либо, в случае сопротивления, к продолжению нежелательных поступков, подчеркивая динамику конфликта между ожиданиями и реальностью [4].

К конструкциям неодобрения можно отнести: упрек, замечание, осуждение, предупреждение, угрозу, критику, порицание [5]. Схожесть этих понятий значительно затрудняет их четкое разграничение, поэтому основным ориентиром для их точной интерпретации становится анализ конкретных условий коммуникации, включая контекст и особенности взаимодействия между участниками.

Остановимся поподробнее на понятиях «угроза» и «упрек». Угроза интерпретируется как форма речевой агрессии, направленная на закрепление или воспроизводство иерархического дисбаланса в социальных взаимодействиях. Агрессивное поведение в данном контексте подразумевает осознанно деструктивные действия, целью которых является причинение вреда адресату или формирование у него негативных эмоциональных реакций. Угроза не ограничивается демонстрацией потенциального ущерба – она выступает инструментом принуждения, заставляя оппонента подчиняться заданным условиям [6].

Что касается упрека, то это «выражение неодобрения, разочарования, недовольства со стороны говорящего, вызванное провоцирующим поведением со стороны упрекаемого (упрекаемый совершил действие, не такое, которого ожидал от него упрекающий)» [7].

Речевые акты «угроза» и «упрек» дифференцируются на основе трех параметров: коммуникативной цели, эмоциональной нагрузки и структуре речевого акта.

Коммуникативная цель речевого акта «угроза» направлена на принуждение адресата к определенному поведению через демонстрацию потенциального вреда. Речевой акт «упрек» выражает неодобрение или разочарование из-за несоответствия действий адресата ожиданиям говорящего.

Что касается эмоциональной нагрузки, угроза содержит агрессию и направлена на запугивание, вызывая страх или тревогу. Упрек выражает обиду, разочарование или досаду, но не обязательно агрессию.

По параметру «структура высказывания» угроза часто содержит:

- 1) явное или скрытое принуждение («Иначе пеняй на себя»);
- 2) обещание вреда («...то я...»);
- 3) условие («Если ты не...»).

Упрек обычно включает:

- 1) констатацию нежелательного действия, которая зачастую сопровождается негативно-оценочной лексикой («Ты опять не позвонил, дурак»);
- 2) ожидание изменения поведения («Я надеялся, что ты будешь внимательнее»).

Угроза – это инструмент давления, а упрек – форма эмоциональной обратной связи. Первая стремится контролировать поведение через страх, вторая – через осознание вины.

Материалом исследования послужили речевые акты с общей семантикой неодобрения из романа Уильяма Фолкнера «Шум и ярость» и его перевода, выполненного О. П. Сорокой.

Важно отметить, что роман известен использованием техники потока сознания, которая раскрывает внутренние монологи персонажей через хаотичные, нелинейные размышления. Например, в первой главе рассказчиком выступает Бенджи Компсон, персонаж с ментальными особенностями.

(1) Оригинал: *You all send him out to spy on me. I hate this house. I'm going to run away. You've been running a long time, not to 've got any further off than mealtime, Jason said. See if I dont, Quentin said* [8].

(1) Перевод: «Все вы тут подсылаете его за мной шпионить. Ненавижу все здесь. **Убегу отсюда**. «Ты все убегаешь, убегаешь, однако каждый раз к обеду возвращаешься», говорит Джейсон. «**А вот увидите**», говорит Квентина [9].

В данном примере все три вышеобозначенных параметра находят свою реализацию (коммуникативная цель, эмоциональная нагрузка и структура речевого акта). Речевой акт «угроза» (*I'm going to run away*) направлен на принуждение и подчинение адресата, используя страх перед негативными последствиями. По параметру «эмоциональная нагрузка» угроза подразумевает агрессивную атаку, направленную на вызов страха. Квентина в отчаянии обвиняет Джейсона в использовании Бенджи, чтобы следить за ней, и угрожает покинуть дом. Это обвинение сделано скорее на эмоциональной почве, чем на разумных доводах и доказательствах, учитывая болезнь Бенджи. Лексика с негативной оценкой («шпионить», «ненавижу») и синтаксическая структура (прямые утверждения) усиливают эмоциональный накал, подчеркивая ее протест против семейного контроля. В русском тексте сохранена разговорная интонация («тут»), а повтор «убегаешь» усиливает сарказм Джейсона, акцентируя его доминирование.

Что касается структуры речевого акта, в данном примере речевой акт угрозы выражается конвенциональным способом, а именно будущим временем («I'm going to run away»), что отражается в переводе («Убегу отсюда»). Условие явно не выражено, но подразумевается. Также данный речевой акт угрозы содержит скрытое принуждение,

предполагая реальную возможность реализации негативного исхода. Перевод последней реплики Квентины «See if I dont», где подразумевается будущее время («You will see if I don't run away»), реализуется адекватным образом и сохраняет интенцию угрозы («А вот увидите»).

Подобная передача угрозы наблюдается в следующем примере:

(2) Оригинал: *You old crazy loon, Quentin said. I'm going to tell Dilsey about the way you let him follow everywhere I go. I'm going to make her whip you good* [8].

(2) Перевод: «Ах ты, противный идиот несчастный», говорит Квентина. «А ты его нарочно за мной повсюду водишь. Я сейчас Дилси скажу, она тебя ремнем» [9].

Коммуникативная цель речевого акта угрозы: Квентина стремится остановить поведение Ластера из-за того, что он нарочно водит Бенджи вокруг нее, хотя ему было велено ее не беспокоить. Героиня использует угрозу наказания как инструмент принуждения.

Эмоциональная нагрузка: угроза пронизана агрессией и раздражением («противный идиот несчастный»), направлена на вызов тревоги у собеседника через обещание физического наказания.

Структура речевого акта: присутствует обещание вреда («она тебя ремнем») и скрытое условие (действие Ластера как причина наказания), тогда как прямое принуждение выражено через повтор «I'm going to», подчеркивающий решимость. Повторяющаяся структура «I'm going to...» подчеркивает намерение и злость юной мисс Компсон.

(3) Оригинал: “*Shut up that moaning.*” Luster said. “*I cant make them come if they aint coming, can I. If you dont hush up, mammy aint going to have no birthday for you. If you dont hush, you know what I going to do. I going to eat that cake all up. Eat them candles, too. Eat all them thirty three candles*” [8].

(3) Перевод: – *Кончай шуметь, – говорит Ластер. – Не могу же я вернуть игроков, раз ушли. Замолчи, а то мамми не устроит тебе именин. Замолчи, а то знаешь что сделаю? Съем весь торт. И свечки съем. Все тридцать три свечки* [9].

Коммуникативная цель речевого акта угрозы: Ластер стремится заставить Бенджи прекратить плач, используя угрозу как средство психологического давления, чтобы восстановить контроль над ситуацией.

Эмоциональная нагрузка: угроза пронизана раздражением и агрессией («Замолчи»), направлена на вызов тревоги у Бенджи. Ластер раздражен поведением Бенджи и говорит, что лишит его праздника, если он не перестанет плакать.

Структура речевого акта: в оригинале угроза реализуется через условные конструкции («If you don't hush...»), связывая нарушение запрета с негативными последствиями, что создает эффект нарастания давления. В русском языке условные предложения передаются через устойчивое сочетание («а то»), сохраняя логику угрозы и усиливая ее прямолинейность за счет повторения и конкретизации действий. Присутствует обещание вреда (лишение именин, поедание торта и свечей). В оригинале и переводе условные конструкции и повтор усиливают напряженность, а синтаксическая парцелляция отражает эмоциональный всплеск Ластера.

(4) Оригинал: *Cry baby, Luster said. Aint you shamed. We went through the barn. The stalls were all open. You aint got no spotted pony to ride now, Luster said. The floor was dry and dusty. The roof was falling. The slanting holes were full of spinning yellow. What do you want to go that way for. You want to get your head knocked of with one of them balls* [8].

(4) Перевод: «Рева», говорит Ластер. «**И не стыдно тебе**». Мы проходим сарай. Стойла раскрыты. «Нет у тебя теперь пегой лошадки», говорит Ластер. Пол сухой и пыльный. Крыша провалилась. В косых дырах толкуются желтые пылинки. «Куда пошел? **Хочешь, чтоб тебе башку там отшибли мячом?**» [9].

Коммуникативная цель речевого акта угрозы: Ластер пытается остановить Бенджи от движения в опасном направлении, используя угрозу, чтобы предотвратить его эмоциональный всплеск.

Эмоциональная нагрузка: угроза пронизана раздражением и пренебрежением («Рева», «и не стыдно тебе»), а вопросительная форма «Хочешь, чтоб тебе башку там отшибли мячом?» направлена на вызов страха перед физическим вредом.

Структура речевого акта: его агрессивный тон передается через осуждение («Aint you shamed») и угрозу («You want to get your head knocked»), который в оригинале выражается через утвердительную структуру, а в переводе уже имеет вопросительную форму.

(5) Оригинал: «*Has he got to keep that old dirty slipper on the table,*» *Quentin said. «Why don't you feed him in the kitchen. It's like eating with a pig*» [8].

(5) Перевод: «*И обязательно ему надо эту грязную старую туфлю на стол класть*», говорит Квентина. «*Как будто нельзя его кормить в кухне. С ним за столом сидеть – все равно что со свиньей*» [9].

Коммуникативная цель речевого акта упрека: Квентина стремится выразить презрение к поведению Бенджи, ее дяди, страдающего умственной отсталостью, одновременно требуя изменения ситуации (убрать туфлю, пересадить его в кухню).

Эмоциональная нагрузка: упрек пронизан агрессией и отвращением («грязная старая туфля», «свинья»).

Структура речевого акта: два предложения выражены через косвенное неодобрение в виде упрека. Имеется оценка, выраженная отрицательной лексикой (“old dirty slipper”, “pig”), которая передается без смысловых потерь. Синтаксические трансформации включают в себя замену вопросительной формы (“Has he got to keep...”) на утвердительную форму (“И обязательно ему надо...») и замену вопросительной-отрицательной конструкции (“why don't you”) на утвердительно-отрицательный вариант (“как будто нельзя”).

(6) Оригинал: *Cant you shut up that moaning and slobbering, Luster said. Aint you shamed of yourself, making all this racket* [8].

(6) Перевод: «Размычался, расслонявился», говорит Ластер. И не стыдно тебе подымать такой рев» [9].

Коммуникативная цель речевого акта упрека: Ластер пытается остановить плач Бенджи, используя уничижительные оценки и призыв к стыду, чтобы утихомирить его. Его речь полностью лишена педагогической тактичности: вместо попытки успокоить Бенджи он лишь усиливает напряжение, что ярко отражает общую атмосферу нетерпимости и разобщенности, царящую в романе.

Эмоциональная нагрузка: В упреке сочетаются раздражение («размычался, расслонявился») и попытка вызвать чувство вины через апелляцию к стыду («И не стыдно тебе»).

Структура речевого акта: Присутствует констатация нежелательного действия («moaning and slobbering») и ожидание поведения через вопросительную конструкцию («Can't you shut up...»). Лексика «moaning and slobbering» снижает действия Бенджи до физиологических проявлений, подчеркивая отвращение говорящего. Разговорное существительное «racket» вместо нейтрального «noise» усиливают негативную оценку.

Переводческий анализ шести примеров из романа «Шум и ярость» показывает, что передача речевых актов угрозы и упрека с английского на русский требует не только лексической и грамматической адаптации, но и сохранения эмоциональной интенции и стилистической окраски оригинала. В английском языке угрозы часто реализуются через будущее время («I'm going to...») и условные конструкции («If you don't...»), которые в переводе О.П. Сороки трансформируются в прямые глагольные формы («убегу», «съем») и устойчивые разговорные структуры («а то»), сохраняя принудительный характер и нарастающее давление. Лексические средства, такие как инвективы («сгу baby», «pig») и разговорные выражения («moaning and slobbering»), заменяются на русские эквиваленты с аналогичной экспрессивностью («рева», «со свиньей», «размычался»), что поддерживает уничижительный тон и физиологическую окраску упреков. Синтаксические приемы — парцелляция, повторы, риторические вопросы («не стыдно

тебе?») — усиливают эмоциональное напряжение, адаптируя хаотичность потока сознания оригинала к особенностям русской разговорной речи. Таким образом, переводчик успешно сохраняет многослойность речевых актов, используя лексическую гибкость и стилистические аналогии, чтобы передать конфликтность, эмоциональность и окраску высказываний персонажей.

Таким образом, ключевое различие между речевыми актами угрозы и упрека — в мотивах и целях: угроза направлена на принуждение через страх и вред, а упрек — на выражение эмоционального недовольства и попытку изменить поведение через моральное воздействие. Угроза носит деструктивный характер, нацелена на разрушение или подавление, а упрек — более конструктивен, так как указывает на нарушение ожиданий говорящего. По реализации угроза часто сопровождается более прямолинейными выражениями и ориентирована на будущее действие, упрек, как правило, имеет более смягченную форму и сосредоточен на прошлом или настоящем поведении. Исследование речевых актов неодобрения подтвердило их роль как инструментов коммуникативного воздействия, выражающих негативную оценку и стимулирующих изменение поведения. Сопоставление оригинальных и переводных текстов продемонстрировало важность сохранения иллокутивной силы, обеспечивающей эмоциональную аутентичность.

Литература

1. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. 423 с.
2. Searle J. R. A taxonomy of illocutionary acts. Minnesota : Minnesota Studies in the Philosophy of Science, 1975. P. 344–369.
3. Миронова М. В. Конструкции неодобрения и порицания в английском языке // Ярославский педагогический вестник. 2012. №1. С. 189–191.
4. Дьячкова И. Г. Высказывания-похвалы и высказывания-порицания как речевые жанры в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2000. 141 с.
5. Тетерлева Е. В., Ермигина В. В. Прагматические значения речевого акта неодобрения в англоязычном педагогическом дискурсе // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. 2018. №14. С. 84–90.
6. Эпштейн О. В. Языковое оформление речевого акта угрозы (на материале английского политического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. №1(3). С. 216–220.
7. Иванкова И. В., Макарова О. С., Толкачева Н. А. Речевой акт упрека в русском и немецком языках // Национальная Ассоциация Ученых. 2015. №9-3(14). С. 41–43.
8. Faulkner W. The Sound and the Fury. L.: Vintage, 2004. 326 p.
9. Уильям Фолкнер. Шум и ярость. URL: http://lib.ru/INPROZ/FOLKNER/noise_y.txt.

Статья рекомендована к печати
кафедрой лингводидактики и переводоведения УУНиТ
(зав. кафедрой, докт. филол. наук., проф. Е. А. Морозкина).

Speech acts of disapproval in William Faulkner's “The Sound and the Fury”

G. V. Yangirova*, L. K. Nafikova²

*Ufa University of Science and Technology
32 Zaki Validi st., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

*Email: lingvo87@mail.ru.

The article examines the features of the transfer of speech acts of disapproval, in particular the speech acts of “threat” and “reproach”, in W. Faulkner's novel “The Sound and the Fury” and its translation into Russian. The work expands the understanding of speech acts as means of social regulation and interpersonal conflict. The authors conclude that the translator manages to adequately convey the structure, emotional load and communicative purpose of the speech acts in question. In general, the analysis indicates a successful adaptation of specific ways of expressing speech acts of threat and reproach while maintaining their impact on the reader.

Keywords: speech act, disapproval, contextual analysis, threat, reproach.